

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Король Ольги Валентиновны на нарушение ее конституционных прав пунктом «а» части первой и частью третьей статьи 104¹ Уголовного кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

11 ноября 2025 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, К.Б.Калиновского, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, М.Б.Лобова, Е.В.Тарибо,

заслушав сообщение судьи К.Б.Калиновского, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданки О.В.Король,

установил:

1. Гражданка О.В.Король оспаривает конституционность положений статьи 104¹ «Конфискация имущества» УК Российской Федерации, согласно которым конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений, в том числе преступления, предусмотренного статьей 290 «Получение взятки» данного Кодекса, и любых доходов от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу (пункт «а» части первой); имущество,

указанное в частях первой и второй этой статьи, переданное осужденным другому лицу (организации), подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий (часть третья).

Из представленных материалов следует, что приговором районного суда от 18 июля 2022 года гражданин П. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью шестой статьи 290 УК Российской Федерации. Как установил суд, П. за совершение незаконных действий в пользу юридического лица получил взятку в виде иного имущества в особо крупном размере – двух квартир и, желая скрыть данный факт, убедил О.В.Король, являющуюся его тещей, зарегистрировать за ней право собственности на эти квартиры. С учетом этого суд постановил конфисковать в собственность государства указанные квартиры.

В части решения о конфискации приговор суда оставлен без изменения апелляционным определением краевого суда от 30 января 2023 года, которым отклонены доводы жалобы О.В.Король о нарушении ее конституционных прав и об отсутствии у нее иного жилья, кроме конфискованного. В частности, суд указал, что О.В.Король, которая не оплачивала и не могла оплатить сделки купли-продажи этих квартир, но представила документы (расписки) с недостоверной информацией, не могла не знать о получении квартир в результате преступных действий П.

С этими решениями согласились вышестоящие суды (определение судебной коллегии по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 11 октября 2023 года, постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 3 июня 2024 года).

По мнению О.В.Король, оспариваемые законоположения не соответствуют статьям 17, 19 (части 1 и 2), 35, 40, 46 (часть 1) и 55 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они позволяют конфисковать имущество, которое находится в собственности лица, не являющегося виновным в совершении преступления, и которое является единственным жильем такого лица. Кроме того, заявительница утверждает,

что в результате конфискации квартир с неотделимыми улучшениями (произведенным в них ремонтом и установленным оборудованием) она также лишилась денег, потраченных на эти улучшения.

2. Принятие эффективных мер по противодействию коррупции является одним из важнейших условий обеспечения конституционной законности, правового равенства, взаимного доверия государства и общества (статья 15, часть 2; статья 19, часть 1; статья 75¹ Конституции Российской Федерации). Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что правовая демократия, чтобы быть устойчивой, нуждается в действенных средствах ее охраны от злоупотреблений и криминализации публичной власти, легитимность которой во многом обусловлена доверием народа. Россия как правовое демократическое государство призвана принимать надлежащие меры для обеспечения безопасности личности, общества и государства от противоправных посягательств, которые затрагивают права и свободы личности и одновременно направлены против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а также меры для противодействия коррупции, включая предупреждение незаконного обогащения лиц, осуществляющих публичные функции (статья 71, пункты «в», «г», «м», «о», Конституции Российской Федерации) (постановления от 10 октября 2013 года № 20-П, от 29 ноября 2016 года № 26-П, от 4 июля 2022 года № 27-П и от 1 октября 2024 года № 42-П).

Многоаспектность негативного воздействия коррупции на жизнь общества и государства позволяет отнести ее к числу особенно опасных социальных явлений. Применяемые наряду с прочим уголовно-правовые меры преследуют конституционно значимую публичную цель борьбы с деяниями коррупционной направленности. Они ориентированы на обеспечение эффективного функционирования механизма народовластия и правового государства, на защиту демократического строя (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2024 года № 49-П).

Одной из таких мер является конфискация имущества, которая, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, по своей конституционно-правовой природе соотносима по некоторым признакам с наказанием, но не тождественна ему (Постановление от 7 марта 2017 года № 5-П). Отсутствие конфискации в перечне наказаний, установленных Уголовным кодексом Российской Федерации, само по себе не исключает с учетом задач уголовного закона возможности принудительного прекращения по судебному решению права собственности на принадлежащие обвиняемому на праве собственности орудия преступления, иные средства его совершения, предметы преступления. По смыслу предусмотренного частью первой статьи 104¹ УК Российской Федерации правового регулирования конфискация является мерой публично-правового принуждения при привлечении лица к уголовной ответственности за соответствующее преступление, дифференцированное применение которой – в отличие от уголовных санкций, предусмотренных Особенной частью названного Кодекса, – не предполагается, в том числе исходя из обстоятельств, как смягчающих, так и отягчающих степень общественной опасности деяния, инкриминируемого лицу, либо лица, совершившего соответствующее деяние (Постановление от 30 мая 2025 года № 25-П). Сохранение же в пользовании виновного лица денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления, потенциально способствовало бы такому общественно опасному и противоправному поведению, а потому противоречило бы достижению задач Уголовного кодекса Российской Федерации (часть первая его статьи 2) (Определение от 26 ноября 2018 года № 2855-О).

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 31 октября 2024 года № 49-П сформулировал правовую позицию, согласно которой последующее превращение или преобразование имущества, приобретенного в нарушение антикоррупционных требований и запретов, и доходов от него в иное имущество, в том числе приумножение такого имущества (включая имущественные объекты) не исключают применения к такому имуществу мер, направленных на его обращение в доход государства.

Иное – с учетом того, что стоимость имущества, полученного в результате такого преобразования, может значительно превышать стоимость первоначально приобретенных благ, – означало бы, по существу, возможность легализации незаконных доходов вопреки принципам противодействия коррупции и положениям статей 1 (часть 1), 2, 3 (часть 1), 8 и 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Соответствующее регулирование закреплено в пункте «б» части первой статьи 104¹ УК Российской Федерации, который в необходимых случаях переносит конфискацию с предмета преступления на деньги, ценности и иное имущество, в которые имущество, полученное в результате совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями, указанными в пункте «а» той же части, и доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы.

Соответственно, конфискация как имущества, полученного в результате совершения коррупционных преступлений, так и имущества, в которое оно преобразовано или превращено, направлена прежде всего на предупреждение незаконного (преступного) обогащения должностных лиц или связанных с ними лиц, ставших выгодоприобретателями от таких преступлений, и не предполагает ни оставления в их пользовании такого имущества (поскольку никто не может извлекать выгод из своего противоправного поведения), ни дифференцированного ее применения, распространяясь на весь объем имущества, преступного по своему происхождению. Конфискация такого имущества по ее целевому предназначению отвечает требованиям статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и адекватна общественной опасности коррупционного деяния и прикосновенных к нему (последующих за ним) действий, поскольку характер и степень ограничения права могут быть обусловлены в том числе уровнем тех угроз и рисков, на преодоление которых ограничение направлено, а также степенью (видами) противоправности и формами проявления тех действий субъектов правоотношений, реакцией на которые выступает ограничение права (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2024 года № 49-П).

3. В отношении лиц, не признанных виновными в совершении коррупционного преступления (или иного из преступлений, перечисленных в пункте «а» части первой статьи 104¹ УК Российской Федерации), уголовный закон допускает применение конфискации на основании части третьей статьи 104¹ УК Российской Федерации, которая предписывает конфискацию имущества, переданного осужденным другому лицу (организации), только в случае, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий. Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, данное законоположение не предполагает распространение нормы о конфискации на имущество иных (помимо прямо указанных в ней) лиц, включая добросовестных приобретателей (определения от 23 июня 2015 года № 1520-О и от 28 сентября 2021 года № 2114-О). При этом по смыслу пункта 8 части первой статьи 73 УПК Российской Федерации и в соответствии с принципом законности, предъявляющим требования обоснованности и мотивированности к судебным решениям (часть четвертая статьи 7 этого Кодекса), факт того, что лицо, принявшее имущество, которое подлежит конфискации, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий, требует доказывания в рамках уголовного дела.

Исходя из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Постановлении от 30 мая 2025 года № 25-П, само по себе осознание того, что совершение преступления влечет такое последствие, как конфискация имущества, подкрепленное сведениями о реальных случаях, когда такие последствия наступают, выступает фактором сдерживания преступлений. Более того, и для лица, которое само не причастно к совершению преступления, но осознает получение имущества именно в результате его совершения, это является дополнительным стимулом для принятия мер по отказу от принятия имущества или от получения доходов от такого имущества.

Во всяком случае лицо, непричастное к преступлению и к получению имущества в результате его совершения, но которое знало или должно было

знать о его приобретении в результате преступных действий и которому передано это имущество и (или) которое получило доходы от него, исходя из части третьей статьи 104¹ УК Российской Федерации не лишено возможности осознавать, что такое имущество и все доходы от него подлежат конфискации.

Данный подход созвучен с тем, что в ряде решений Конституционный Суд Российской Федерации указал на недопустимость – как противоречащего основам российской правовой системы – такого использования защиты закона и суда, которое осуществлялось бы вопреки общеправовым принципам добросовестности и недопущения злоупотреблений правом в случае, если притязания лица на применение в его отношении юридических средств защиты, предоставленных действующим правовым регулированием, основаны на их недобросовестном использовании в противоправных целях. Иное позволяло бы вопреки назначению правового государства и правосудия извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (постановления от 10 марта 2022 года № 10-П, от 30 октября 2023 года № 50-П и от 31 октября 2024 года № 49-П).

4. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, т.е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, а также в установленном этим Кодексом случаях жилые и нежилые помещения (пункт 1 статьи 130); вещь, раздел которой в натуре невозможен без разрушения, повреждения вещи или изменения ее назначения и которая выступает в обороте как единый объект вещных прав, является неделимой вещью и в том случае, если она имеет составные части (пункт 1 статьи 133).

Специфика неотделимых улучшений заключается в том, что они, будучи интегрированными в движимую или недвижимую вещь, становятся ее частью как объекта права собственности и не могут быть отделены без вреда для имущества. Возврат же стоимости неотделимых улучшений возможен только

в отношении лица, действовавшего при внесении таких улучшений добросовестно.

Соответственно, лицо, которому передано имущество, полученное в результате совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями, указанными в пункте «а» части первой статьи 104¹ УК Российской Федерации (в том числе взяточничества), если оно знало или должно было знать о преступном происхождении такого имущества, не лишено возможности осознавать как уголовно-правовые последствия в виде обязательной конфискации такого имущества, так и их распространение не только на это имущество в его первоначальном виде, но и на все последующие улучшения, неотделимые от него.

Такой же смысл оспариваемым законоположениям придается и в судебной практике (например, кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 июля 2021 года № 81-УД21-12-К8; кассационные определения Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 9 ноября 2023 года по делу № 77-2582/2023, от 28 мая 2024 года по делу № 77-1091/2024 и др.).

Поскольку получение взятки не предполагает правомерного возникновения права собственности, поскольку предмет взятки не может быть оставлен в пользовании ни лица, получившего взятку, ни лица, которому по указанию взяткополучателя он передан, даже если этот предмет является жилым помещением, в том числе единственным.

Это соответствует правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации о том, что гарантии права собственности, закрепленные в статье 35 Конституции Российской Федерации, предоставляются лишь в отношении права, возникшего на законных основаниях (постановления от 11 марта 1998 года № 8-П и от 11 ноября 2021 года № 48-П; определения от 25 марта 2004 года № 85-О, от 13 октября 2009 года № 1276-О-О, от 29 сентября 2011 года № 1071-О-О, от 20 ноября 2014 года № 2590-О, от 28 января 2016 года № 141-О и др.), а также основанному на смысле закона (в частности, гражданского и земельного законодательства)

подходу, согласно которому возмещение стоимости неотделимых улучшений не гарантируется лицу, чье поведение отклоняется от принятых стандартов добросовестности: в силу подпункта 2 пункта 8 статьи 56⁸ Земельного кодекса Российской Федерации при определении размера возмещения по общему правилу не учитываются неотделимые улучшения участка и объектов недвижимости, произведенные после уведомления правообладателя об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд. Право требовать возмещения произведенных неотделимых улучшений имущества при его возврате из незаконного владения собственнику имеет только добросовестный владелец (часть третья статьи 303 ГК Российской Федерации). В соответствии с пунктом 3 статьи 623 ГК Российской Федерации стоимость неотделимых улучшений арендованного имущества, произведенных арендатором без согласия арендодателя, возмещению не подлежит.

Таким образом, пункт «а» части первой и часть третья статьи 104¹ УК Российской Федерации не могут расцениваться в качестве нарушающих конституционные права заявительницы, в деле которой судами установлено то обстоятельство, что она осознавала, что регистрация за ней права собственности на квартиры являлась частью получения взятки.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Король Ольги Валентиновны, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 2916-О